

станционного зала украшают 18 мозаичных панно: «Переяславская рада», «Полтавская битва», «А. С. Пушкин на Украине», «Т. Г. Шевченко в Петербурге у Н. Г. Чернышевского», «Строительство Днепровской ГЭС» и др.

Отметим, что «украинские» названия советской эпохи нельзя причислить к так называемым идеологическим символам, как в других городах [см. 7, с. 125], в Москве они выполняют ориентирующую функцию в рамках принципа московской «географической розы ветров» [9; с. 11]. Причем этот принцип номинации продуктивен в эпоху разных политических лидеров. *Полесский пр.* назван в 1965 г., а *1-я, 2-я Карпатские ул.* – в 1984 г. 32 линейных объекта названы по городам Украины, например, *Винницкая ул., Днепропетровская ул., Донецкая ул., Житомирская ул., Харьковская ул., Изюмская ул., Одесская ул.* Причем если в советскую эпоху ориентирующая функция таких названий сочеталась с идеологической (*Краснодонская ул., Донбасская ул., Донецкая ул.*), то с 90-х гг. политические мотивы отходят на второй план – *Нежинская ул.* Ряд названий выпадает из этой системы: *Кременчугская ул.* названа в 1963 г. по гор. Кременчуг, якобы в связи с расположением на западе Москвы, но Кременчуг, основанный в XVI в. как крепость на Днепре, лежит не к западу, а к югу от Москвы. *Полтавская ул.* расположена в на севере Москвы и названа в 1922 г. в честь победы русских войск в битве со шведами под Полтавой. Выбор названия для улицы именно в этом районе связан с тем, что здесь вплоть до 1767 г. стоял Бутырский полк, принимавший участие в Полтавском сражении. *Черниговский пер.* в центре Москвы назван по храму Черниговских мучеников и исповедников, который был возведен в 1675 г. на месте встречи в XIV в. мощей черниговского князя Михаила и его боярина Федора, убитых в Золотой Орде в 1245 г. и причисленных православной церковью к лику святых. Отдельно следует рассматривать «крымские названия» [см. 10].

Среди мемориальных названий можно выделить группу в память о людях, действительно связанных с историей и культурой Украины (ул. *Боженко*, ул. *Ивана Франко*, ул. *Леси Украинки*, ул. *Коцюбинского*, ул. *Довженко*), и группу названий в честь выдающихся людей с «украинскими фамилиями»: ул. *Полины Осипенко*, ул. *Академика Глушко*, просп. *Маршала Гречко*, ул. *Ирины Левченко* и др.

Особого внимания заслуживают названия с украинскими лексемами. Улица *Старый Гай* (1970 г.) унаследовала имя от застроенного ныне проезда, проложенного по направлению к роще, которую украинские крестьяне графа Шереметева, переселенные сюда в XVIII в., именовали «гай». *Грайворонская улица* сохраняет название бывшего подмосковного села Грайворонново (антропоним, лежащий в основе ойконима, образован от укр. «грайворон»).

На периферии ономастического пространства Москвы появляются новые украинские урбанонимы: корчма «*Тарас Бульба*» (сеть ресторанов), корчма «*Вечера на хуторе*», рестораны «*Запорожская Сечь*», «*Увага*», «*Шинок*». Круг украинских названий в Москве продолжает расширяться.

Источники и литература

1. Аверьянов К. А. История Московских районов: Энциклопедия. – М.: Астрель, 2005.
2. Веселовский С. Б. Подмосковье. – М.: Московский рабочий, 1955.
3. Веселовский С. Б. Ономастикон. – М.: Наука, 1974.
4. Имена московских улиц: Топонимический словарь. – М.: ОГИ, 2007.
5. Карамзин Н. М. История государства Российского. – М.: Книга, 1988. – Кн. 1. – Том IV.
6. Кудрявцев М. П. Москва в XVII веке. Дисс... канд. архитект. наук. – М., 1981.
7. Мезенко А. М. Мотивы номинации улиц белорусских городов. В: Топонимика и межнациональные отношения. – М.: МФГО, 1992.
8. Паламарчук П. Сорок сороков. Т. IV. – М., 1995.
9. Смолицкая Г. П., Горбаневский М. В. Топонимия Москвы. – М., 1982.
10. Соколова Т. П. Крым в названиях улиц и других объектов Москвы // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации (Ялта, 29 сентября – 4 октября, 2003). – Симферополь, 2003. – С. 314-315.
11. Улицы Москвы. Старые и новые названия. Топонимический словарь-справочник. – М.: Наука, техника, образование, 2003.

Султанова М. Т.

ГИПЕРБОЛА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Категория интенсивности является одной из важнейших категорий текста. Она направлена на то, чтобы вызвать эмоциональный отклик у читателя и посредством этого восприятия обеспечить более глубокое понимание содержательно-фактуальной, содержательно-концептуальной и подтекстовой информации. Концептуализация обусловлена, с одной стороны, соответствующей языковой системой, и с другой стороны – особенностями социума, в которой эта языковая система функционирует. Индивидуальность авторов постмодернистских текстов проявляется не в выборе моделей репрезентации, а в выборе ее общих концептуальных оснований и конкретных языковых средств реализации интенсивности в тексте. По мнению И. П. Ильина, «постмодернистский взгляд на мир характеризуется убеждением, что любая попытка сконструировать «модель мира» – как бы она не оговаривалась или ограничивалась эпистемологическими сомнениями – бессмысленна» [3, с. 265]. В постмодернистских произведениях создается определенная «символическая реальность» – трехмерное игровое пространство: между мифом, историческими реалиями и художественным вымыслом, а также своей собственной историей [1, с. 13]. Национальное своеобразие постмодернистского произведения определяют: язык, доминирование в тексте деконструируемых цитаций из данной национальной культуры, внимание к национальной проблематике, национальный склад мышления, тип юмора, иронии и склонности к преувеличению образа [9].

При рассмотрении языкового статуса любой категории, необходимо определить, в какую систему других категорий она входит. Для языковой понятийной категории интенсивности характерно наличие категории качества и количества. В современной лингвистике понятие категории трактуется как «некоторый признак, который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака» [7, с. 215]. Когнитивная наука поставила вопрос категоризации как вопрос о когнитивной

деятельности человека. Естественная категория при этом может объединять члены с неравным статусом, т.е. не полностью повторяющимися признаками. Один из таких членов может обладать привилегированным положением, являя собой лучший образец своего класса, т.е. наиболее полно отвечая представлению о сути объединения и его прототипе, вокруг которого группируются остальные члены категории [5, с. 46].

Рассматриваемый с качественной стороны материальный объект является системой, обладающей определенностью, границами, свойствами, имеющей элементы и структуру. Но любой анализ категории качества вне связи с категорией количества теряет смысл. По мнению Гегеля, «мера есть непосредственное единство качественного и количественного» [2, с. 422].

Категория интенсивности признака тесным образом связана с категорией меры, но если мера обозначает количественные границы объективной определенности данного качества, то интенсивность показывает уровень развития признака в рамках данной меры, не вклинувшей за собой изменения данного качества [13, с. 13]. Семантика интенсификаторов характеризуется синкретизмом одновременно качественного признака и его количественной квалификации. Основным дистриктивным признаком плана выражения является нарушение сочетаемости смысловой связи объекта и указываемой гиперболической меры признака. Таким образом, в процессе гиперболизации переосмысливается взаимосвязь философских категорий количества, меры и качества. Курахтанова И. С. определяет гиперболизацию как «явление, реализующее эстетическое значение философской категории количества в языке, которая преобразуется в гиперболе [6, с. 5].

В современной лингвистике гипербола рассматривается как стилистический прием, несущий ярко выраженную прагматическую функцию. На преувеличение в гиперболе интенсивности характеризуемого указывают: И. В. Арнольд, С. С. Ахманова, В. П. Вомперский, А. И. Галич, И. Р. Гальперин, И. Б. Голуб, К. П. Зеленецкий, Н. И. Кохтев, Н. Ф. Кошанский, И. С. Курахтанова, М. П. Ломоносов, М. Ю. Лотман, Л. Л. Нелюбин, Д. Э. Розенталь, А. Т. Рубайло, Е. С. Селиванова, Э. Я. Фесенко и др.

В ситуации, когда последовательность, постепенность усиления или ослабления какого-либо признака приобретает характер явного и намеренного усиления/ослабления возникает стилистический эффект преувеличения и усиления выразительности создаваемого автором образа. В современном постмодернистском дискурсе выражаемый гиперболой смысл не тождествен реальности, не соответствует реальным параметрам объекта, но при этом отражает важную для автора сторону или аспект реальности.

Гипербола как «фигура количества» представлена обширной группой стереотипных интенсификаторов, в которых числительные выражают идею количества в «чистом виде» [10]. По своей содержательной характеристике числительные относятся к знакам количественной характеристики предметов. Гиперболы, в которых гиперболическая мера выражена непосредственно числительными либо единицами измерения в большинстве случаев носят характер узуальных, здесь используются так называемые «круглые» [8; 12] числительные *twenty, fifty, eighty, hundred, thousand, million* и др. При этом точность количественной информации не является релевантной, гипербола служит средством выражения эмоционально-оценочного отношения автора к предмету речи и выполняет характеризующую функцию:

Yet it was true that not a single one of the million upon million words heaped upon her and her memory gave even the remotest hint she had known any man at all, except in the most abstract and social sense [15, с. 105].

There are a million possible Earths with a million possible histories, all of which actually exist simultaneously [17, с. 63].

She was bruised and filthy and she bled from a hundred little cuts [14, с. 22].

Как видно из примеров, эмоциональное состояние автора либо персонажа находит выход в усилении объективной меры количества путем употребления чисел, значительно превышающих реальную величину. В данном типе преувеличения в основе лежит количественное несоответствие между употребленным и традиционным наименованием референта. Языковые средства категории интенсивности охватывают всю шкалу проявления того или иного признака, от самого крайнего ослабления до самого большого усиления. Нулевой точкой отсчета на такой шкале можно считать само слово, которое является объектом усиления или ослабления в тексте (в приведенных примерах это слова **words, Earths, histories, cuts**).

В семантическом плане процесс гиперболического переосмысления числительного сопровождается следующими преобразованиями в его семантике: категориальная сема «количество» отнесается на второй план, актуализируется и становится лидирующей сема «высокой степени интенсивности», однако связь числительного с конкретным числовым значением не исчезает, что и обуславливает его гиперболическую экспрессию [8, с. 84].

Гипербола как стилистический прием основывается также и на особом характере качественного преувеличения большой/малой меры признака какого-либо объекта на уровне слова, словосочетания, предложения, текста. В этом случае, зона синкретизма метафоры и гиперболы порождает более яркий, острый смысл художественного текста, раскрывая реалию под иным углом зрения, создает многочисленные коннотации:

...a face that will haunt me forever, a face dominated by hooded eyes whose tears were distillations of the sorrows of the world, eyes that delighted and appalled me since, in their luminous and perplexed depths, I saw all the desolation of America, or of more than that – of all estrangement, our loneliness, our abandonment [15, с. 121].

Наглядному, яркому выражению мысли способствуют гиперболические метафоры, участвующие в образном изображении чувств и состояний человека, они передают психологические переживания героя:

I would go to the desert, to the waste heart of that vast country, the desert on which they turned their backs for fear it would remind them of emptiness – the arid zone, there to find, chimera of chimeras, there, in the ocean of sand, among the bleached rocks untenanted part of the world, I thought I might find that most elusive of all chimeras, myself [15, с. 38].

На состав и структуру гиперболы влияют не только семантические, но и синтагматические отношения [11]. Градуальные оппозиции, структурируясь в гиперболу могут включать экспрессивные и контекстуальные синонимы, выражающие интенсификацию:

I, and even Zero, was stuck by a kind of profane awe at the silence, the incense, the ensorcellated light, the simulated corpses boxed up in glass like very precious cakes [15, с.118].

Had that gorgeous piece of flesh and acquiescence been all the time a show, an imitation, an illusion? [15, с. 172].

При выявлении когнитивных механизмов формирования гиперболы как реализации категории интенсивности можно констатировать, что хотя она обладает целостностью и полнотой, ее трудно отнести к какому-либо одному разряду концептов, т. к. в основе гиперболизации лежит комплексная мыслительная операция – контрастное сопоставление, в чем проявляются субъектно-предикатные отношения «мера-интенсивность». Кроме того, гипербола выполняет коммуникативное задание, полнота и многоплановость которого характерны для целостного содержания текста.

Исследуя различные понятийные системы, многие авторы используют разнообразную терминологию, но схожесть их мнений состоит в том, что знание как известных так и новых высказываний конструируется относительно когнитивных единиц типа « фреймов, сцен, когнитивных областей (пространств), народных моделей (folk models), сценариев (scripts) схем или идеализированных когнитивных моделей « (Fillmore, 1982; Haiman, 1980; Lakoff, 1987; Langacker, 1988). Определенная системность, благодаря которой мы осмысливаем некоторые аспекты одного понятия в терминах другого затемняет другие аспекты данного понятия и позволяет нам сосредоточиться на одном аспекте, т. е гиперболическое понятие может помешать восприятию других аспектов данного понятия, несовместимых с соответствующей гиперболой.

Таким образом, концепт, выступающий в качестве основы интенсифицирующего образа в нашем исследовании получил название **центрального (стержневого)** [4]. При этом, специфика его выявления основывается на том, какие концепты подвергаются интенсификации. Так, например, для центрального концепта ВЕЛИЧИНА, концептуализации подвергается такой концепт как РАЗМЕР, который реализуется в интенсификаторах (colossal, enormous, gigantic, grandiose, great, huge, immense, tremendous) и др.:

When she was fifteen, she stood lost in eternity wearing a crazy dress, watching the immense sky [14, с. 18].

It was an enormous moment, this good-bye to the old home; so enormous she could hardly grasp it, could feel only a vague regret [14, с. 30].

Для стержневого концепта СОСТОЯНИЕ концептуализируется понятие АКТИВНОСТЬ, реализованное в интенсификаторах (active, fiery, fierce, furious, tumultuous, violent, vehement,) и др.:

I felt a tumultuous exhilaration; I felt that the house was a glass warship in which we had all embarked on a desperate expedition to a destination at the heart of the dark in a nameless zone, where we would find the key to an unimaginable secret [15, с. 126].

The parakeet in the shop, hearing the sweet, mechanical noise, set up a loud jabbering: vehement, meaningless syllables as though incoherent with anger because he thought the toys were mocking him [14, с. 42].

В центральном концепте МНОЖЕСТВО концентрируется концепт ДЛИТЕЛЬНОСТЬ, который, в свою очередь, реализуется в интенсификаторах (ageless, everlasting endless, lifelong, permanent, timeless) и др.:

This intensive study of feminine manners, as well as my everyday work about the homestead, kept me in a state of permanent exhaustion [15, с. 101].

Deggle's: the eyes of the survivor, filled with an ageless twinkle [17, с. 39].

So he must have noticed and, in the end, resented, Mrs Rundle's endless bread puddings [14, с. 38].

Категория интенсивности в современной лингвистике тесно переплетена с такими явлениями как эмоциональность, оценочность и экспрессивность. Лексические средства выражения этой категории весьма часто используются не только для усиления того или иного слова в тексте, но и одновременно с этим для выражения эмоционального настроения говорящего и его эмоционально-оценочного отношения к интенсифицируемому. Весьма часто лексические средства выражения категории интенсивности оказываются эмоционально окрашенными, так как большая эмоциональность свойственна именно тем словам, лексическое значение которых указывает на большую, высшую степень признака.

В литературе постмодернизма наиболее обширное поле интенсификаторов образуют единицы, номинирующие чувства и эмоции человека. Диапазон психологических состояний, выражаемых с помощью гиперболы широк, здесь характерно употребление как нейтральных, так и интенсивных обозначений эмоций (love, passion, fury, anger, hatred, tenderness, sorrow, desperation, desire, terror, horror, insanity, exhilaration, contemplation, outrage, indignation и др.). В следующих примерах интенсификации подвергаются упомянутые центральные концепты ВЕЛИЧИНЫ, СОСТОЯНИЯ и МНОЖЕСТВА, выражаемые эмоциями печали, желания, любви, волнения, ярости и др.:

I felt a great wonder since I witnessed, as in a revelation, the grand abstraction of desire in this person who represented the refined essence of all images of love and the dream [15, с. 129].

What would be their choice: wisdom – or fury? Peace – or fury? Love – or fury? The fury of genius, of creation or of the murderer or tyrant, the wild shrieking fury that must never be named? [16, с. 168].

Итак, гипербола, служащая одновременно как для интенсификации меры признака, так и для передачи индивидуального и эстетического восприятия этого признака, в постмодернистском дискурсе рассматривается как средство реализации категории интенсивности, представленная обширной группой интенсификаторов. Зона синкретизма СП гиперболы достаточно обширна, где наиболее частотной является конвергенция метафоры и гиперболы. Гипербола также может участвовать в передаче концептуальной информации, реализуясь в таких центральных концептах как: ВЕЛИЧИНА, СОСТОЯНИЕ, МНОЖЕСТВО, где концептуализации подвергаются такие понятия как, соответственно, РАЗМЕР, АКТИВНОСТЬ и ДЛИТЕЛЬНОСТЬ. Конкретные прагматические составляющие смысла концептуальной гиперболы выявляются из потенциально возможных и очерчиваются сквозь призму содержания и структуры макроконтраста – речевой ситуации (текста), частью которой является сама гипербола как средство реализации категории интенсивности.

Литература

1. Бабелюк О. А. Когнітивно-оцінна репрезентація культурної символіки в авторському мовленні американських постмодерністських оповідань // Записки з романо-германської філології / ОНУ ім. І. І. Мечникова. – Вип. 17. – Одеса: Фенікс, 2006. – С. 10-21.
2. Гегель Г. Наука логики, т. I. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
3. Ильин И. П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: Интрада, 2001. – 384 с.
4. Камаева И. А. Метафорические концепты в языке английской и американской поэзии. Автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.04 – М., 2003. – 23 с.
5. Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., 1996 – 248 с.
6. Кураханова И. С. Языковая природа и функциональная характеристика стилистического приема гиперболы (на материале англ. яз.) Автореф. ... дис. канд. филол. наук 10.02.04 – М., 1978. – 24с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь./ Гл. ред. В.Н. Яреца 2 изд., дополненное. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
8. Морозова Л. П. Гиперболические и мейотические штампы и их использование в обучении речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. – Горький, 1987. – С. 83-88.
9. Скоропанова И. С. Русская постмодернистская литература: Учеб. пособие. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 608 с.
10. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики. – Горький, 1975. – 233 с.
11. Тихомиров С. А. Гипербола в градуальном аспекте. Автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 – М., 2006. – 21 с.
12. Швачко С. А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. – К.: Вища школа, 1981. – 144 с.
13. Шейгал Е. И. Интенсивность как компонент семантики слова в современном английском языке: Дис. ...канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 1981. – 244 с.
14. Carter Angela. The Magic Toyshop. NY., 1996. – 200 p.
15. Carter Angela. The Passion of New Eve. London., 2005. – 191 p.
16. Rushdie Salman. Fury. NY., 2001. – 264 p.
17. Rushdie Salman. Grimus. NY., 2003. – 319 p.

Сурыкова О. В.

РИТМООБРАЗУЮЩИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОРФЕМНОГО СТРОЕНИЯ ГЛАГОЛА В ЧЕТЫРЕХСТОПНОМ ЯМБЕ И ХОРЕЕ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОК А. С. ПУШКИНА)

Стихотворная строка – это нить, на которую нанизываются слова. На подбор и расположение слов в стихотворной строке влияют три основных фактора – метр, ритм и рифма, а также стиль автора и признаки жанра. Метр, ритм и рифма задают определенные рамки для автора, которые он не может не учитывать при реализации своего поэтического замысла, и которые, несомненно, задают формальные критерии отбора словесного материала.

На этом жесткая заданность основных факторов заканчивается, и начинается проявление разнообразных характеристик слов разных частей речи, ритмообразующий потенциал которых неоднозначен. Слова, принадлежащие разным частям речи, могут иметь различное слоговое и морфемное строение, свою словообразовательную, словоизменительную и акцентную структуру. Можно предположить, что выбор слов разной частеречной принадлежности с их типичными функционально-семантическими и грамматическими свойствами для заполнения той или иной позиции в поэтической строке оказывается не случайным, а вполне закономерным.

К настоящему времени проведены исследования поэтического материала в плане подсчета количества слогов, ударений, диарез, стопных и стопобойных словоразделов в поэтической строке, количества ритмико-синтаксических конструкций, видов и количества клаузул, проанализирована частотность разных частей речи в разных поэтических размерах вообще и частотность конкретной лексики у определенных авторов, проанализирована роль частей речи разного рифмуемого окончания и других элементов, составляющих лингвистику стиха [1; 2; 3; 4]. Но еще не было проведено комплексного исследования поведения слов различной частеречной принадлежности в фокусе их распределения по позициям в стихотворной строке в разных поэтических размерах в сравнительном аспекте с целью выявления их ритмообразующего потенциала и последующей классификации и структуризации.

Слово является пунктом «взаимосвязи, взаимодействия, взаимопроникновения всех уровней языковой структуры» [5, с. 7]. Следовательно, под комплексным исследованием подразумевается анализ морфо-ритмических характеристик слова с учетом его словообразовательной структуры и функциональных свойств той части речи, к которой оно принадлежит. Предпосылкой данному анализу послужило предположение о том, что существуют определенные еще мало изученные взаимоотношения между метро-ритмическими особенностями поэтических размеров, с одной стороны, и тем, проявлением каких морфо-акцентных характеристик откликаются на поэтические размеры те или иные части речи, с другой. Как справедливо отмечает М. Л. Гаспаров, при процессе порождения стиха «говорить о том, как поэт подбирает такое-то ритмическое слово для заполнения такой-то позиции стиха, можно только если помнить, что он подбирает его не из ритмического словаря русской речи вообще, а из ритмического словаря той части речи», которая обладает необходимым набором свойств, удовлетворяющим помещению этого слова на данную позицию стихотворной строки, а у разных частей речи он различен [1, с. 169-185].

Целью данной статьи является сравнительный анализ ритмообразующего потенциала морфемной структуры русского глагола в 4-хстопном ямбе и 4-хстопном хоре. Материалом для анализа послужили три стихотворных отрывка общим объемом в 1000 строк, взятых из произведений А. С. Пушкина – «Руслана и Людмила» (500 строк), написанного 4-хстопным ямбом и из «Сказки о золотом петушке» и «Сказки о мёртвой царевне» (вместе 500 строк), написанных 4-хстопным хореем.

Общее количество слов в ямбе – 2116, из них 15,3% – глаголы (323 глагола), общее количество слов в хоре – 1982, из них глаголы – 18,6% (369 глаголов). Проанализированный материал обнаружил ряд особенностей в «чувствительности» глагольных словоформ к разным поэтическим размерам.